

**Элегия
Михаила
Талля**

Салли Ландау

Салли Ландау

**Элегия Михаила Таля.
Любовь и шахматы**

«Автор»

2023

Ландау С.

Элегия Михаила Таля. Любовь и шахматы / С. Ландау —
«Автор», 2023

Это книга воспоминаний о личных отношениях великого шахматиста-романтика, чемпиона мира Михаила Таля, и его первой жены - человека, близкого ему в течение всей жизни, Салли Ландау; отношениях, как ею сказано, «нежных и противоречивых, светлых и грустных...» Актриса и певица Салли Ландау дебютировала на сцене в 17 лет. Выступала в Вильнюсском русском драматическом театре, Рижском театре юного зрителя, в Литовском эстрадном оркестре, в оркестре Эдди Рознера и эстрадном оркестре под руководством Раймонда Паулса.

© Ландау С., 2023

© Автор, 2023

Салли Ландау

Элегия Михаила Таля. Любовь и шахматы

ПРЕДИСЛОВИЕ

В задачу моих воспоминаний не входит воссоздание образа МИХАИЛА ТАЛЯ в полном объеме, равно как и в ореоле святости и непогрешимости. Это невозможно хотя бы потому, что он был необъятен и необычайно оригинален.

Я уверена, что для каждого человека, который с ним общался более или менее продолжительное время, существует “свой” Миша, и каждый оберегает его от посягательств других, считая собственную точку зрения правдой в последней инстанции. Для Гели, которая была его верной женой и преданнейшим другом в течение последних двадцати лет, есть только один ЕЕ Миша. Для их дочери Жанночки остается ЕЕ Миша, ЕЕ отец. Для Мишиных друзей – Алика Баха, Жени Бебчука, Ратко Кнежевича и многих других Миша – тоже “свой” и никакой другой: неповторимый и лично ему принадлежащий.

Для меня Миша всегда остается только моим – моим первым мужем, моим фантастическим другом, отцом нашего сына Геры, который носит его магическую фамилию ТАЛЬ... Это воспоминания о моих отношениях с Мишей, охвативших наши жизни вместе с их разноцветным и непростым бытом и продолжающихся каким-то необъяснимым образом и по сей день, об отношениях сначала интимных, потом близкородственных, отношениях нежных и противоречивых, светлых и грустных... И всегда окрашенных радугой влияния богатой, очень разной, открытой и таинственной, личности Михаила Таля.

Это – МОИ воспоминания и это – ГЕРИНЫ воспоминания. Я очень хотела материализовать свои калейдоскопические воспоминания, пронизанные моими женскими эмоциями, и Герины, сыновние, в книгу, чтобы ее мог прочитать любой человек, даже не умеющий играть в шахматы...

Салли Ландау

Теплое лето на Рижском взморье

Когда-то знаменитый Виктор Борисович Шкловский на Семинаре драматургов в Ялте, согласившись после долгих уговоров выступить перед нами, молодыми семинаристами, Начал, как обычно он начинал, словно лекция уже длится несколько часов... Как бы продолжая: "... и вот что самое интересное – вы здесь сидите, слушаете меня, рядом с вами сидит ваш друг Вася или Петя... Он балагурит, курит, выпивает, что-то там пишет, бегаёт за девочками, и вам в голову не приходит, что этот Вася или Петя – натуральный гений, что вы сидите рядом с гением, обращаетесь к нему на “ты” и даже считаете себя существенно талантливее... И только спустя годы вдруг выясняется, что сидели вы рядом с гением, а вы, как выяснилось спустя те же годы, – совсем не гений и, вполне возможно, даже не очень талантливый... И если вы находите в себе силы признать это, хотя бы под одеялом, то вы, по крайней мере, – честный человек...”

Не исключено, что Виктор Борисович сказал не совсем теми словами, что я привел, но смысл был именно такой.

По-разному люди трактуют слово “гений”. Есть даже мнение, что гений – это разновидность шизофрении с типичной, ярко выраженной “идеей фикс”, но только эта “идея фикс” у гения прорывает пространство и время, предопределяет будущее, уподобляясь внезапной ослепительной вспышке во мраке нашей жизни, позволяя всем остальным увидеть что-то непонятное сначала, таинственное и, возможно, страшное... И тогда мы либо задумываемся над

этим, либо отрицаем и с удовольствием, с чувством собственной правоты подкладываем хвост в костер, на котором будет сожжен гений.

Я исповедую несколько иное толкование гениальности. Мне кажется, что все в мире, в том числе и гениальное, уже кем-то создано, но тщательно спрятано, закодировано, замаскировано, “заминировано”... и гению дано право свыше расшифровать эту тайнопись, что он и делает в течение всей отпущенной ему жизни, порой даже неосознанно... А когда сокрытое рано или поздно становится очевидным и понятным всем остальным, то возникает ощущение, что все это давным-давно известно и странно, что столь простое открытие не было сделано раньше.

Иными словами, гений – Богом избранный человек, может быть, даже случайно. Но в одном случае человек осознает свою гениальность, а в другом – даже не подозревает об этом, живет таковым, как дышит... Но в итоге оба – гении...

Гению не надо завидовать. Его надо воспринимать как гения, и если природа подарила вам возможность восхищаться, то и восхищайтесь им как гением.

Талантливый гроссмейстер Зураб Азмайпарашвили, выиграв вторую из двух основных партий у безусловно гениального Василия Иванчука (дело было в сентябре 1994 года в голландском городе Тилбурге), сказал мне: “Да! Конечно, Иванчук – гений! Но мы для того и живем, чтобы иногда побеждать гения...”

Я еще не могу сказать, сколько гениев сидело рядом со мной за мою жизнь – выпивали, шутили, заводили легкомысленные романы... Но одного гения могу назвать абсолютно точно.

Это – Михаил Таль.

... Стояло теплое лето на Рижском взморье. То было первое лето Талья в ранге чемпиона мира. На дачу, где он жил с женой и совсем маленьким сыном, меня привел мой друг, ныне известный артист эстрады Гарри Гриневич. Он представил нас друг другу. Я назвалса, а Миша протянул мне руку и сказал: “Е2-Е4”.

И в дальнейшем, сколько бы мы с ним ни встречались в самых разных обстоятельствах, он неизменно здоровался со мной первым ходом белой королевской пешки...

Это было удивительно красивое, безоблачное лето с ленивым, как в фильмах Висконти, течением жизни, с ошарашивающе красивой женой, перед которой чемпион выглядел молоденьким, романтически влюбленным в свою госпожу пажем, норовящим перехватить и прочитывать каждый ее взгляд, предугадать каждое ее желание... Жизнь виделась роскошной дорогой с ликующими на обочинах поклонницами и поклонниками, готовыми нести своего кумира на руках. Но кумиру всего этого вроде бы и не было нужно. Он ехал на белом коне за изящной лошадкой в яблоках, в грушах, в персиках..., на которой грациозно покачивалась самая красивая женщина в мире, держа на руках самого красивого в мире ребенка... И это казалось вечным мгновением, которое должно было вот-вот остановиться... Еще Фишеру только восемнадцать лет, еще Анатолий Евгеньевич Карпов был лишь талантливым десятилетним мальчиком, еще нет и “в проекте” Гарри Каспарова...

Я не хочу, да и не имею права квалифицировать Мишу Талья как шахматиста. Об этом написаны тома. Написаны первостатейными, высококлассными профессионалами, как не добравшимися до чемпионского трона, так и посидевшими на нем... Но даже для них, немало преуспевших в деле, именуемом “Шахматы”, разговаривающими друг с другом на языке шахматной нотации так, как разговаривают между собой поэты, рассыпая цитаты из мировой поэзии, словно бриллианты из волшебного мешка сокровищ, – даже для них Таль представлял непостижимую загадку... Что уж говорить о “шахматных обывателях”, если гроссмейстер Пал Бенко мог заявить, будто Таль во время партии гипнотизирует его, вынуждая проигрывать выигранные позиции! Он даже решил, что нашел противоядие от парализующего взгляда Талья: пришел на очередную партию в темных отражающих очках и играл в них до того момента, пока в очередной раз не попал – как бы вдруг – в безнадежное положение... И тогда Бенко

снял очки... В тот же момент темные очки надел Таль... Абсолютная шутка гения, которому и в голову не могло прийти, будто он обладает какими-то неземными декоординирующими флюидами... Хотя, кто знает, может быть, Таль на самом деле что-то “излучал”, сам того не ведая... Ведь поговаривали же, и всерьез, что он вообще не из нашей Галактики (!).

И весь шахматный мир словно ополчился против гения. Каждый подсознательно хотел доказать, что Таль – не избранник Божий, что он из того же теста, что и остальные смертные, пусть и великие; правда, он играет в ненормальные, в неправильные, в “кривые” шахматы да и живет ненормальной, неправильной, “кривой” жизнью...

К встрече с ним готовились, против него вооружались, анализируя свои проигранные ему партии и партии поверженных им коллег... И клялись перед очередным поединком повергнуть наконец молодого “монстра”. Но начиналась партия, возникала в какой-то момент завораживающая талевская свирель – и упоенные ее мелодией противники добровольно лезли в пучину нелогичных, необъяснимых позиций с каскадом вроде бы самоубийственных жертв... И уже вот он, вот он – желанный миг победы, но, словно в кошмарном сне, парализована воля, высосана последняя энергия, и ватная рука делает суицидный жест, и обрывается звук свирели, и перед глазами бланк, на котором остается написать лишь одно слово – “сдался” и удостоверить его собственной подписью. Все это было похоже на современные триллеры с оборотнями или посланцами сатаны, против которых выступают самые опытные охотники, полицейские, самые совершенные технические средства. И все, казалось бы, предусмотрено, но в самый последний момент из какого-нибудь люка высовывается жуткая рука или щупальце и очередная жертва проваливается в преисподнюю...

Но Талю все это было невдомек. Он играл в свою игру, он видел больше, чем остальные, он источал энергию, он “оживлял” фигуры, он делал то, что обязан был делать, что не мог не делать по данному ему Природой праву. Он жил в своем, талевском, измерении, где он был Моцартом, где он должен был создавать свои великие шахматные мелодии. И подобно Моцарту, убедившему мир в том, что существует не семь канонических нот, а неисчислимое их количество, Таль убеждал мир, что на шахматной доске не тридцать две фигуры, а столько, сколько дано увидеть именно ему, что пожертвованные и погибшие фигуры оставляют на доске свой след, их души продолжают витать над партией, а оставленные ими поля заколдованы и несут вам поражение, разочарование, непонимание, что же в конце концов произошло, и возможную зависть по отношению к победителю...

Таль не был снобом. В своем стиле он одинаково относился к победе как над чемпионом, так и над любителем в сеансе одновременной игры.

Часто, если я оказывался в том же городе, где проходил турнир с участием Таля и в свободное время он давал сеанс, мне непременно следовало от него приглашение “сесть двадцать шестым”. И я с радостью это приглашение принимал. Ну что Арканов за партнер для Таля? Жалкий, неподтвержденный перворазрядник... Но если партия складывалась так, что дальнейшее течение не представляло для Миши интереса, он с серьезным видом предлагал мне ничью, которую я, естественно, принимал, становясь предметом восхищения со стороны участников сеанса и болельщиков. Если же партия втекала в талевское русло, он садился напротив меня на стул, нависал над доской, лицо его приобретало странное выражение, от которого становилось не по себе, он пожирал меня своими проникающими глазами, тяжело дышал, шевелил губами и делал наповал разящие ходы. “За что? – думал я. – За что, Миша? Мы же друзья...” И сразу же после окончания экзекуции он превращался в нежного, застенчивого Мишу и произносил: “Не убегай после сеанса. Мы с тобой выпьем, если не возражаешь...”

И я не возражал.

Но что-то после того лета, в моем представлении, пошло не так. Монументальный Михаил Моисеевич “ссадил” Мишу с трона, а потом раскололся, казалось бы, прочный семейный плот. И по одну сторону остался Таль, а по другую – самая красивая женщина в мире и

самый красивый в мире ребенок... И болезни, и операции, и привыкание к морфию в послеоперационный период (это часто бывает), и мучительное отвыкание от него, и "Кент" в нечеловеческих количествах... Вторая семья, еще одна... И ничего материального для себя.

Все для тех, кто в данный момент рядом с ним и добр к нему... И практически полная нищета, хотя выигрывал он "неслабые" турниры и по составу, и по призовому фонду... А для себя – только шахматы да любовь к сыну, к дочери... И огромное количество кривотолков, потому что не укладывается гений в прокрустово ложе "нормального" человека... И как остается он загадкой в шахматах, так еще большей загадкой остается он как личность... Ну, не пришелец же он на самом деле... И вся его нарастающая с годами отрешенность какая-то... Как будто все равно, как продолжается жизнь и чем и когда она окончится...

... А поехал я в голландский город Тилбург, где проходил ежегодный престижнейший турнир, по главному обстоятельству... Сказали мне, что живущая в Антверпене мадам Салли Ландау хочет "иметь встречу" со мной на предмет написания книги по ее воспоминаниям о Тале, с точки зрения женщины, не просто близкой ему, – с точки зрения матери (скажем так) самого красивого для Миши ребенка... Потому что и для нее Таль до сих пор остается загадкой... Что ж поделаешь, если каждая женщина (это мое убеждение) живет с незарастающей раной, оставленной ей одним-единственным мужчиной... Что ж поделаешь, если каждый мужчина бывает ранен одной-единственной в мире женщиной. И это известно только ему...

... Я встречался с мадам Ландау сначала в Тилбурге, потом в Антверпене, где она сейчас живет. Я смотрел на нее и вспоминал то далекое, прекрасно-ленивое, как в фильмах Висконти, лето на Рижском взморье. И я решил окунуться в адский омут этой литературной работы и написать о Тале словами и чувствами женщины, которая была для него самой красивой женщиной в мире... Хотя думаю, что это загадку гения тоже не решит...

Арж. Арканов

САЛЛИ

(Саська, Рыжик, Салли Ландау, мать Геры Таля)

В последнее время я все чаще прихожу к выводу, что человеческая жизнь есть не что иное, как мимолетное мгновение, кем-то искусственно растянутое на долгие или не очень долгие годы – кому сколько отпущено – с наполнением каждого прожитого отрезка времени конкретными и разными эпизодами, которые остаются на "складе" нашей памяти. И мы сами являемся "заведующими" этих складов. Одни "кладовщики" содержат все в полном порядке: "каталоги" случайных и не случайных событий, образы пересекавших вашу жизнь людей, их портреты, характеры, привычки, мысли, выражения, поступки... Имена и фамилии – в строгом алфавитном порядке. Полная хронологическая точность... Одним словом, некий мощный компьютер, который по вашему приказу тут же выдает нужный текст.

У других "кладовщиков" – настоящий бедлам, "свалка", груда беспорядочно собранного "мусора", роясь в которой, можно случайно наткнуться на какую-то деталь, и она напомнит вам что-то, может быть, не очень приятное, и тогда вы швырнете ее снова на свалку, а может быть, совсем наоборот – эта деталь, лоскуток, обрывок, заденет какую-то душевную струну, и она зазвучит, возрождая прежнюю, давнюю, казалось бы забытую, мелодию, и эта мелодия потянет вас в сладкий омут пережитых когда-то неповторимых волнений. Как старые фотографии или любительские видеофильмы, на которых либо вы когда-то кого-то запечатлели, либо кто-то когда-то запечатлел вас... Как ласковый сон, когда не хочется, чтобы он окончился, когда хочется, чтобы он был вечным (я иногда наивно надеюсь на то, что смерть – томительный теплый вечный сон).

Я принадлежу к “кладовщикам” второго рода. Я – бессистемный импульсивный человек, который сначала что-то делает и лишь потом думает над тем, что он сделал. Я обыкновенная слабая женщина, в которой жила и живет, радовалась и радуется, страдала и страдает ее женская сущность в полном смысле этих слов. Во мне, как себе представляю, удивительным образом уживаются эгоистичность и стремление к самостоятельности с любовью к окружающим меня людям и подсознательным желанием быть женщиной, защищенной живущим с тобой мужчиной от всякого рода мелких и крупных житейских неприятностей...

Я буду откровенной в этой книге. Миша мне простит... Как и раньше прощал... Потому что любил – позволяю себе так думать.

Заранее прошу извинения у тех людей, которых не упомяну, когда буду говорить о Мишиных друзьях. Я ведь сказала, что являюсь “кладовщиком памяти” второго рода, тем более, что после Мишиной смерти у него объявилось огромное количество друзей. Но, поверьте мне, многие из них при Мишиной жизни не имели права называть себя даже просто хорошими знакомыми. Всегда бывает так – после смерти выдающаяся личность обрастает друзьями, одноклассниками, дальними родственниками... Вспомните Маяковского, Высоцкого... Но простим людям их слабость – это, видимо, подсознательное или, может быть, сознательное желание увеличить свою значимость на всю оставшуюся жизнь... Я прошу также прощения за то, что вполне осознанно не назову некоторые имена и фамилии, чтобы не ставить ни самих этих людей, ни их близких в неловкое, порой двусмысленное положение... Может быть, они и не сделали Мише ничего плохого, но, как говорится, на всякий случай. Кто их узнает, тот узнает, а кто не узнает, может быть, и не надо: не стоит возвращаться в давнее прошлое...

Но повторяю: скрывать я ничего не собираюсь, да и скрывать-то нечего... Даже возраст... Кстати говоря, меня всегда немного смешат женщины, скрывающие свой возраст. Еще можно манипулировать годами в юности, в молодости, скидывая или прибавляя некоторое количество лет в зависимости от конкретных обстоятельств – безобидные, чисто женские уловки. Но потом?!..

Я могу смело открыться вам: родилась в городе Витебске в 1938 году. Чтобы ни у кого не было поздних разочарований, сразу скажу, что родители мои были еврейскими актерами. Фамилия отца, которую я ношу по сей день, Ландау, и это единственное, что у меня есть общего со знаменитым физиком, хотя многие были убеждены, что я из семьи того самого великого “Дау”. В общем-то такое заблуждение можно понять: представителям неосновных национальностей всегда хочется верить в неординарность – уж если великий Михаил Таль женился на Салли Ландау, то эта Салли – наверняка дочка или, на худой конец, племянница “того самого”! Увы! Михаил Таль женился на дочери двух незначительных актеров.

Моя мама играла на сцене с тринадцати лет. Не хочу преувеличивать – то не было результатом ее какого-то небесного дарования, хотя, как сама могла потом убедиться, актриса она была хорошая. Мамина ранняя профессионализация объяснялась весьма земными причинами: в семье помимо нее было еще пятеро детей, и просто нечего было есть – надо было зарабатывать на жизнь. В Минске ее приняли в театральный институт, где она и познакомилась с папой.

Что касается отца, то он был совершенно незаурядной личностью. Я уж не говорю о его уме, актерском даровании, невероятном и особенном чувстве юмора. Миша, с удовлетворением замечу, его обожал... Папа обладал уникальными музыкальными способностями. Он играл на семи музыкальных инструментах. У него был прекрасный баритональный тенор. Он закончил дирижерские курсы. Однажды Соломон Михоэлс увидел отца на сцене. Он сказал ему немало лестных слов и даже, кажется, пригласил в свой театр... Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает...

Война внесла свои коррективы не только в жизнь моих родителей...

Мне тогда было два с половиной года, и, конечно, я почти ничего не помню. Но из рассказов родителей знаю, что, когда началась война, я была у бабушки в Витебске. Театр, в котором мама с папой работали, разъезжал с гастроллями по всему Советскому Союзу, и меня отправили к бабушке. Фашистская армия приближалась столь быстро, что бабушке вместе со мной и двумя моими тетями пришлось, все бросив, в буквальном смысле слова удирать в Сибирь. Какими-то обрывками помню жаркий переполненный поезд, бомбежки, в которых я, будучи совсем маленькой, не видела никакой опасности и не понимала, почему бабушка, как только в небе появлялись самолеты, бросалась на меня и закрывала своим телом.

Вообще человеку свойственно помнить запахи детства – до сих пор слово “война” ассоциируется у меня с запахом крутых яиц и неповторимым запахом бабушки...

А с мамой и папой мы просто потерялись. Потом я узнала, что для того времени такое было не столь редким явлением. Война началась летом – кто где... Многие теряли своих детей, братьев, сестер. И далеко не всем удавалось в конце концов найти друг друга. Повторяю, я смутно помню события тех дней. И поскольку жила в основном у бабушки, то и думала, что она моя мама. А бабушка часто говорила, что вот, Саллинька, скоро найдутся мама с папой и... Для меня это было, можно сказать, пустым звуком, отвлеченным понятием. Раз я считала, что бабушка и есть моя мама, то (по ее словам) часто спрашивала: “Разве у меня есть еще и вторая мама?” Бабушка пыталась мне объяснить, но напрасно...

От сибирской эвакуации в моей памяти сохранились три главных фрагмента: очень добрые люди, постоянное чувство недоедания и белый-белый снег под ярким солнцем – даже глаза слезились... И еще я отчетливо помню, как к нам в домик приходили люди, как бабушка ставила меня на табуретку и я пела... Про Катюшу пела, “Бьется в тесной печурке огонь” тоже пела. Смысла, конечно, не понимала, но пела. Голосок у меня был забавный (это мне потом говорили мама с папой и бабушка), а слух, как выяснилось много позже, – абсолютный... Люди приходили, помню, не с пустыми руками: кто молоко приносил, кто яйца... Будем считать, что зарабатывать на хлеб “сценической деятельностью” я начала с двух с половиной лет...

А мама с папой, оказывается, попали в Ташкент и позже через Красный Крест разыскали нас. За мной приехала моя тетя и увезла в Ташкент. Мне тогда уже было пять лет, и я, можно сказать, впервые увидела своих родителей и еще долгое время называла их на “вы”.

Чтобы прокормиться, родители давали, как тогда выражались, “левые” концерты и брали меня с собой. На этих концертах я пела уже под оркестр. В общем, я превратилась в типичного “вундеркинда”... Голос, как говорили, был у меня “потрясающий”, с диапазоном в две октавы. И любила я это занятие – хлебом не корми. Хотя все относительно – одним из главных и наиболее стойким воспоминанием о детстве остается все-таки постоянное недоедание...

Потом я стала петь на радио, а моя тетя мне аккомпанировала. Она-то и настояла, чтобы в шесть лет меня отдали в ташкентскую музыкальную школу.

Я не случайно рассказываю о тех годах довольно подробно, потому что обостренная любовь к сцене, к музыке, к пению, к завораживающему тебя актерскому бытию стала неизменным лейтмотивом всей моей жизни. Это отразилось впоследствии на моих взаимоотношениях с Мишей, по-разному и очень сильно...

В музыкальной школе я проучилась два года, потому что папа с мамой уехали вместе со своим театром в не помню уж какой город. Где-то в центре России. И меня опять отправили к бабушке в Белоруссию, но теперь уже в Могилев, где я жила несколько лет. А в пятьдесят втором году все еврейские театры расформировали, многих ведущих актеров посадили, кого-то расстреляли, кого-то упустили в сумасшедший дом... Жуткое было время... Отец скрывался, его разыскивали... Наконец родителям повезло: моя тетя вышла замуж в Вильнюсе и помогла им перебраться туда. Для них Вильнюс оказался спасением, а для меня – второй родиной.

Меня приняли в детскую музыкальную школу при Вильнюсской консерватории. Учиться пришлось в двух школах одновременно – в общеобразовательной и музыкальной. Заниматься было чудовищно трудно, учитывая мою “особую любовь” к математике, химии и физике. Но меня переводили из класса в класс, потому что я занимала для школы первые места на разных конкурсах художественной самодеятельности. Девятый и десятый классы я заканчивала в

вечерней школе, но даже не очень высокие требования меня не спасли – на выпускных экзаменах я получила двойку по алгебре, вручение аттестата зрелости отложили до осенней переэкзаменовки. Но это обстоятельство меня не очень тронуло, потому что все мои помыслы были в то время устремлены к музыке и... актерской деятельности. Видимо, сказались родительские гены, и я стала посещать драмкружок при консерватории, где довольно скоро обратила на себя внимание.

И вот в это самое лето, когда я благополучно завалила алгебру, в Вильнюс приехал директор МХАТа Радомысленский. Он увидел меня в любительском драмкружковом спектакле и сказал, чтобы я все бросила и поехала в Москву учиться. Уговорить меня не составило большого труда – я была (и такой осталась) легкой на подъем, со склонностью к безоглядным поступкам и с довольно высоким рейтингом, который, признаюсь, я сама себе установила.

Тот год был для меня страшно везучим и каким-то светлым. У меня все получалось с первого раза. Я приехала в Москву и сдала вступительные экзамены по актерскому мастерству в четыре (!) высших учебных заведения – во ВГИК, в Школу-студию МХАТ, в ГИТИС и в Вахтанговское училище! И была допущена к экзаменам по общеобразовательным дисциплинам, но тут-то и выяснилось, что у меня нет аттестата зрелости... Я сказала, что аттестат привезу или пришлю осенью, что я не сдала алгебру. И уехала обратно в Вильнюс.

Мама с папой устроили по поводу моего приезда большой праздник, пригласили в нашу квартиру друзей и родственников и сообщили им радостную весть, что их талантливая доченька принята аж в четыре московских вуза сразу. Все радовались, и поздравляли, и выпивали, и ели всякие вкусности, которые приготовила бабушка. И папа пел, и дочка пела и сама себе аккомпанировала на фортепьяно, и вообще – жизнь прекрасна и удивительна... Среди гостей был режиссер Вильнюсского русского драматического театра, необычайно талантливый человек с не очень запоминающейся фамилией – Головчинер. Он поел, попил, как говорят в таких случаях, “разомлел” и вдруг ни с того, ни с сего говорит папе:

– Ну, и что? Ну, поедет Саллинька в Москву... Ну, проучится там целых пять лет. И для чего? Для того, чтобы надеяться, что в сорок пять лет ей дадут сыграть Офелию? Я предлагаю другой вариант: у нее нет диплома – зато у нее есть дарование. У меня есть актеры с московскими дипломами, которые не могут сделать по сцене и двух шагов... С вашего позволения возьму ее в труппу без диплома, и вы увидите...

Нет, действительно, это было везучее лето – меня взяли в труппу Вильнюсского русского драматического театра.

Через три месяца я уже играла в спектакле “Сонет Петрарки”. Салли Ландау заметила вильнюсская пресса... Я иногда достаю газетные вырезки с панегириками в мой адрес; перечитываю их с некоторой усмешкой. С грустной усмешкой... И думаю: “А что, если бы я все-таки уехала учиться в Москву? Сколько красивых способных молодых провинциалок пытались завоевать столичный театральный мир! И сколько из них остались на ролях “вторых грибов в третьем составе”!”

И вот, когда я так думаю, то сама себе отвечаю: “Салли, как это ни тривиально звучит, но: судьба приготовила тебе другую роль. Она распределила тебя в другой театр, где главную роль будет исполнять Гений, а ты будешь в роли его жены. И это страшно трудная роль – роль любящей и страдающей, роль ревнивой и вызывающей ревность, роль матери, сестры и любовницы одновременно, роль зависимой и роль рвущейся к самостоятельности... Видимо, непосильная для тебя роль. Но ты останешься в этой роли до конца жизни, даже тогда, когда Гений уйдет со сцены...”

Тогда мне было семнадцать лет.

С Мишей я познакомилась через два года.

Я не хочу обременять читателя перипетиями своей актерской жизни в Вильнюсском русском драматическом театре. Если это кому-нибудь и интересно, то только, пожалуй, мне самой.

Сегодня, спустя много лет, я прихожу к выводу, что сюжетная линия моей судьбы была спланирована где-то ТАМ. Порой эта линия пересекалась с линиями случайных людей, не задержавшихся в моей памяти даже именем. Иногда встречались люди, оставившие в моей жизни глубокий след. Но так или иначе все жестко и закономерно шло к тому, что на авансцене должна была появиться главная фигура. Цепочка случайностей, которая становится закономерностью, осознается нами, как правило, потом. В то давнее время я сама себе напоминала попрыгунью-стрекозу, и лето красное казалось вечным, и зима не катила в глаза... Дара ясновидения я была лишена (и слава Богу!). Я обладала другими качествами – хорошо пела, недурно играла на рояле, легко двигалась и была чертовски хороша. Так, во всяком случае, говорили окружающие, к моему искреннему удивлению. Пройти по улице незамеченной мне никогда не удавалось. Наверное, виной всему были мои огненно-рыжие волосы...

Как-то, когда Миша взял меня на турнир на Кюрасао, мы возвращались с пляжа в гостиницу... Он остановился, посмотрел на меня внимательно и вполне серьезно, без иронии, что было для него редкостью, сказал: “Такие волосы бывают только у инопланетянок”. Они у меня были не просто рыжие – они имели цвет золотого слитка. Но самое поразительное заключалось в том, что точно такого же цвета и глаза... Однажды во время гастролей театра в Белоруссии

я зашла в один магазинчик, и продавщица, взглянув на меня, сказала: “Девочка! Как Вам удалось так удачно выкрасить волосы под цвет глаз!”

Ну, да ладно...

Худсовет театра решил ставить “Эзопа”, и на постановку был приглашен режиссер Театра им. Вахтангова Георгий Барышников. После одной из репетиций я вышла во дворик театра. День был теплый и солнечный. Я зажмурила глаза и подставила лицо солнцу. И неожиданно услышала: “Вы не боитесь, что Ваши волосы выгорят?”

Это был Барышников. Он смотрел на меня так выразительно, что мне стало как-то не по себе. Я уже знала цену таким взглядам. Но на сей раз это было так чисто и так искренно, что мне даже не захотелось, как принято говорить, “отшить” его, хотя за словом в карман в подобных случаях я, как правило, не лезла. “Теперь я понимаю, – сказал он, – почему в Вильнюсе Вас называют Суламифь”.

Красивый мужчина ни тогда, ни потом не имел шанса стать героем моего романа. Красавчики не волновали меня. Барышников не явился исключением из моих предпочтений: фантастический интеллект, образованность и удивительная тактичность... Он был невысокого роста, полноватый, в очках. Ему было тридцать два года против моих восемнадцати... В общем, не буду утомлять подробностями – он стал моим первым мужчиной и учителем во всем: в театре, в жизни, в любви... Во всем. Наши взаимоотношения развивались так бурно, что вскоре он ушел от жены, и мы договорились, что он забирает меня в Москву, в Вахтанговский театр... “Эзоп” был выпущен, я провожала Барышникова в аэропорту Вильнюса. До сих пор помню его лицо в маленьком окне самолета. Меня не мучили никакие дурные предчувствия. Я находилась в радостном предощущении будущего...

Через два дня из Москвы позвонила его мама и сказала, что Георгий умер от инфаркта миокарда. Второй раз судьба “не пустила” меня в Москву. Если бы я что-то хотела приукрасить, то, наверное, придумала бы здесь эпизод, в котором случайная цыганка нагадала мне скорую не очень дальнюю дорогу в другой город. Но никакой цыганки не было. Было отчаяние, была затяжная депрессия и было полное отторжение театра и всего, что могло напоминать о Георгии...

Так случилось, что тогда приехал на гастроли Рижский ТЮЗ, и его руководитель Павел Хомский предложил мне стать актрисой этого театра и переехать в Ригу. Моя воля в то время была настолько парализована, а апатия столь велика, что, если бы мне предложили переехать в Таллин, Брянск, Новосибирск, тоже бы согласилась. Я не могла больше оставаться в Вильнюсе, хотя любила и люблю этот красивый город. Я бы просто повесилась от тоски и одиночества. И ни мама, ни папа, ни бабушка не смогли бы мне помочь... Паша Хомский оказался в тот момент спасительной соломинкой, и маршрут моей судьбы круто изменился...

Итак, я переехала в Ригу, стала актрисой Рижского театра юного зрителя, целиком ушла в работу, в репетиции, в спектакли, в концерты. Надо сказать, театральная и светская жизнь в Риге по сравнению с Вильнюсом была более активной, более, можно сказать, столичной. Помимо работы в театре я стала выступать в концертах как эстрадная певица. Обо мне стали говорить, “на меня” начали ходить... Появились поклонники, раздавала автографы. Не было недостатка в многочисленных предложениях как творческого, так и нетворческого характера – некоторые известные в Риге представители противоположного пола завлекали в жены... Даже думать об этом не хотела! В голове у меня были только эстрада, театр и снова эстрада... К тому же я влюбилась в Хомского. Вообще мне везло в жизни на талантливых людей. А к Хомскому я привязалась еще и как маленькая, оставшаяся без хозяина собачонка. Чуткий и деликатный, он вытащил меня из депрессии и стал именно другом, а не – как бывает – режиссером, использующим свое служебное положение... Так что ни о каком замужестве не могло быть и речи. Я уж не говорю о том, что любое замужество тогда воспринимала как потерю самостоятельности и возможности заниматься любимым делом.

Странные все-таки во мне уживаются противоречия, и их немало: с одной стороны, хотя бы вот этот болезненный страх потерять личную свободу, с другой – не менее болезненная боязнь одиночества и подсознательное желание иметь рядом сильного человека, с которым не страшно перевернуться в лодке, оказавшись в открытом море, даже если ты совсем не умеешь плавать. Эти противоречия сыграли немалую роль в моей жизни с Мишей...

В Риге было много мест, где любила собираться местная элита – разнородная смесь актеров, спортсменов, врачей, адвокатов. И при всей пикантности национального вопроса прекрасно общались между собой и латыши, и русские, и евреи... Что-то было в этом рижском воздухе европейское в самом лучшем смысле слова. А может быть, так только казалось, потому что о подлинной Европе мы только слышали. Или видели в кино.

Среди моих тогдашних приятелей был молодой врач Саша Замчук. Сейчас он известный московский уролог. В конце пятидесят восьмого, за несколько дней до Нового года, Саша пригласил меня встретить Новый год в знаменитом рижском ресторане “Астория”. По тем временам это был фешенебельный ресторан с изысканным обслуживанием, прекрасной кухней и популярным на всю Ригу колоритным метрдотелем Робертом.

И вот в ночь с 1958 на 1959 год в ресторане “Астория” Саша Замчук познакомил меня со своим одноклассником, с которым они сидели за одной партой, с уже знаменитым Мишей Талем. Саша так и представил его: “Познакомься – это наш знаменитый Миша Таль”. Я слышала пару раз, что есть такой молодой шахматный суперталант – Таль, но как-то мне это было все равно. Во-первых, шахматы меня абсолютно не интересовали, а во-вторых, мало ли на свете знаменитостей! Я сама, между прочим, скоро стану знаменитостью... А так как в ту новогоднюю ночь Таль не произвел на меня никакого впечатления, то мне было абсолютно безразлично, какое впечатление произвела на него я. Потом Саша пригласил меня на танец и все время объяснял, какой Миша гениальный, какой он уникальный, и вообще – это будущий чемпион мира. А к Мише бесконечно подходили и знакомились с ним, и его с кем-то знакомили, и приглашали за другие столики... Потом все перемешались, и я в актерской компании уехала в Дубулты, где мы и закончили встречу Нового года на вилле у одного модного рижского художника.

«... Когда маленький Миша впервые пришел в школу, то его сразу... перевели в третий класс – настолько он оказался развитым. Когда юноша окончил десятилетку, ему в виде исключения разрешили в возрасте 15 лет поступить в Рижский университет. Там двадцатилетний комсомолец Михаил ныне заканчивает пятый курс историко-филологического факультета.

... Еще несколько лет назад мы слышали, что в Риге есть паренек, который здорово играет в шахматы, быстро, почти не задумываясь, он рассчитывает сложнейшие варианты.

... В начале XXIV чемпионата СССР А. Котов заявил: “Первое место займет Таль!” Это был изолированный голос. Ему не верил и сам М. Таль.

... При современном развитии шахмат, особенно в нашей стране, трудно добиться такого грандиозного успеха. Пройти марафонскую дистанцию в 21 тур, пройти почти невредимым через “огонь” 8 международных гроссмейстеров, обойти их – это шахматный подвиг! Трудно, почти невозможно в наших чемпионатах добиться гроссмейстерского диплома. Гроссмейстеры не любят “прибавления своей семьи”. Они очень строгие экзаменаторы. Но на этот раз в роли экзаменатора оказался молодой шахматист. Хотя М. Таль еще очень молод, можно сказать, что в его лице шахматная семья получила совершенно зрелого гроссмейстера высокого класса.

«... В 1935 году молодой чемпион СССР Михаил Ботвинник получил звание гроссмейстера СССР № 1. Прошло много лет. М. Ботвинник стал чемпионом мира. Сегодня Михаил Таль получил титул гроссмейстера СССР № 19. Может быть, эти два Михаила и встретятся как-нибудь в матче!»

Сало ФЛОП

(“Огонек”, 1957г.)

С той самой новогодней встречи прошло четыре десятка лет. Уже нет Миши. А у меня все время постоянное ощущение, что он просто куда-то уехал, откуда очень трудно позвонить. Я общаюсь с ним в моих снах, они, надо сказать, часто меня посещают. Сны очень реальны, и если утром меня вырывает из моих сновидений телефонный звонок (живу я сейчас в Антверпене, в Бельгии) из Москвы, или из Парижа, или из Берлина, я хватаю телефонную трубку с особым возбуждением: наконец-то Миша позвонил! Но не Мишин голос встряхивает меня и все расставляет на свои места – это, конечно, не он. И он уже не позвонит. Никогда. Никогда. Никогда...

Я с детства боялась этого холодного слова “никогда”. Помню, время от времени спрашивала бабушку: “Бабушка, а если я умру, то ни ты меня, ни я тебя больше никогда не увижу?” Бабушка восклицала что-то по-еврейски. Я плохо понимала, что именно, но по интонации догадывалась: “Господи! Скажи этой девчонке, чтобы она не болтала невесть что!” Но я становилась настойчивой и не отставала. Тогда бабушка отвечала: “Никогда! Никогда! И больше не хочу этого слышать!” Но мне было мало: “И завтра “никогда”? И послезавтра “никогда”? И после-послезавтра? И через миллион лет? Но ведь потом-то будет “когда”? Мне казалось, что через миллион лет “никогда” кончится, и я, умершая, в один прекрасный день снова открою глаза и увижу бабушку, и увижу солнышко, потому что “никогда” кончилось... Но в ту же минуту неприятный холодок наполнял мое существо, и я понимала, что “никогда” будет продолжаться вечно...

Я была убеждена, что Миша не может уйти из моей жизни. Что бы с ним ни случилось, в какую бы “безнадегу” (кстати, это слово я впервые услышала от Миши) он ни попал, какой бы пессимистический диагноз ни ставили врачи, я была уверена: он выкарабкается, он – такой, он будет жить вечно со своими вечными недугами...

Я вспоминаю ту новогоднюю ночь и все, что за ней последовало в течение всей моей жизни, и мне иногда кажется, что Миша возник не в ту ночь, что он был значительно раньше, что даже слушал меня тогда, когда я, стоя на табуретке, пела для пришедших к нам в дом людей “Бьетса в тесной печурке огонь”. В той сибирской деревне во время войны. Он был среди тех людей. Вот так нас кто-то словно примагнитил друг к другу. И ни я не могла потом от него “избавиться” насовсем, ни он от меня...

Через несколько дней после Нового года позвонил Саша Замчук и спросил, как мне понравился Таль. Я ответила, что никак. Таль и Таль. “А ты ему понравилась”, – сказал Саша... Услышать это было приятно. Да и не верьте никогда той женщине, которая скажет вам, что ей безразлично, нравится она или не нравится мужчинам... А еще через пару дней в театре подошел ко мне наш администратор Григорий Ефимович и говорит:

– Саллинька, тебя на Новый год видели за одним столиком с Мишей Талем. Вот бы тебе с ним поближе познакомиться. Это гениальный мальчик из очень хорошей семьи...

А когда одна моя рижская приятельница, спустя еще пару дней, сказала, что хочет пригласить меня в гости к своему знакомому, к Мише Талю, что он очень просил ее привести меня к нему в дом, я поняла, что меня “окружают”, и мне уже стало любопытно.

Вот так, однажды вечером, я впервые перешагнула порог дома Талей. Помню, меня сразу поразила обстановка их квартиры. И дело не в удивительно красивой антикварной мебели или фантастической хрустальной люстре, висевшей над большим тяжелым, впечатляющим столом. Меня вообще ни тогда, ни сейчас внешние “прелести” жизни не волновали, хотя, как мне кажется, толк в красоте я понимаю. К разным драгоценным украшениям была всегда равнодушна. Миша меня называл – надеюсь, не без оснований – бессребреницей.

Помню, когда мы с родителями жили в Ташкенте, меня послали за хлебом, как говорили тогда, “отovarить” хлебные карточки. Ко мне подошла нищая старушка, и я отдала ей все хлеб-

ные карточки. Можно только представить, какой скандал устроили родители – семья осталась без хлеба до конца месяца. Но оказалось, что старушка с этими карточками все время незаметно шла за мной, постучала в дверь и отдала их родителям. Старушку накормили, надавали ей каких-то вещей, и перед уходом она сказала, должно быть, самый дорогой в моей жизни комплимент: “Девочка! Я всю жизнь буду за тебя молиться”.

Так что не наружный вид квартиры Талей поразил меня в тот вечер, а тот какой-то несоветский дух их дома. Я сразу вдохнула буржуазный (в самом хорошем смысле слова) воздух. Кто бывал в этой квартире, тот поймет меня. Как-то сразу становилось ясно, что здесь живут не “серийные” люди, а совершенно “штучные”, и отношения между этими людьми не укладываются в привычные рамки социалистического общежития.

Меня встретили Ида – Мишина мама, элегантный Роберт – Мишин отец. Встретил меня Миша. Он был возбужден и, по-моему, немного нервничал.

На этот раз я разглядела его довольно отчетливо. Невысокого роста, щупловатый. Огромные глаза, в которых как бы отражаются сменяющиеся одна другую озорные мысли и идеи, совершенно великолепные выгнутые брови, акцентированный нос и неповторимая пухлая нижняя губа, которую он очень характерно выпячивал...

Разговор как-то сразу не заладился. Чувствовалась некоторая неловкость. Показали мне, как водится, всю квартиру, и я обратила внимание на висевший на стене портрет интересного мужчины. “Кто это?” – поинтересовалась я. “Этой отец, – сказал Миша, – доктор Таль”...

Только много позже я узнала, что отцом Миши на самом деле является Роберт, но считается доктор Таль. Это особая история – она подчеркивает нестандартность взаимоотношений в семье Талей. И к ней я вернусь обязательно...

Потом Миша вдруг сказал: “Мне Саша Замчук говорил, что Вы очень хорошо поете. У нас есть инструмент. Спойте что-нибудь... Пожалуйста”.

Сейчас я очень стесняюсь садиться за рояль или петь, и редко кому удается уговорить меня “помузыцировать”. А тогда меня не надо было упрашивать. Я могла часами петь и играть, и никакая обстановка меня не смущала.

Я села и сыграла сначала свою любимую “ЭЛЕГИЮ” Рахманинова. Сколько раз впоследствии по Мишиной просьбе я играла эту вещь! Миша вообще обожал Рахманинова – он был, думаю, абсолютно созвучен его душевным настроениям.

И я помню изумленное Мишино лицо, когда он вдруг увидел и услышал, как молоденькая красивенькая рыжая девушка играет Рахманинова. Он смотрел на меня так, словно сделал какое-то невероятное открытие. И еще я спела тогда одну песню, которая стала для Миши во взаимоотношениях со мной своеобразным паролем – “Я сказал тебе не все слова...”

*Я сказал тебе не все слова -
Растерял я их на полпути.
Я сказал тебе не те слова -
Их так трудно найти...*

Всякое между нами было и тогда, когда мы жили вместе, и тогда, когда уже не вместе жили, но вдруг раздавался откуда-нибудь из Буэнос-Айреса телефонный звонок, и в трубке непременно слышалось “я сказал тебе не все слова...” А я и вправду думаю, что в нашей жизни он мне сказал не все слова, и я ему, к сожалению, тоже все слова сказать не успела...

Но, похоже, что я и впрямь не так уж плохо играла тогда и пела. Во всяком случае Миша часто говорил про меня, когда знакомил со своими друзьями: “Это моя жена. Если в компании находятся тринадцать мужчин, то двенадцать влюбляются в нее сразу, а тринадцатый – после того, как она садится играть и петь”...

Когда мы с моей приятельницей стали собираться домой, Миша сказал, что уезжает в Тбилиси на первенство СССР, и спросил, не дам ли я ему свой телефон и не буду ли против, если он мне оттуда позвонит. Я сказала, что не против. Но не могла предположить, что это невинное “Вы не против, если я Вам оттуда позвоню” превратится в настоящую ежедневную телефонную “бомбежку”...

Я была увлечена Хомским. Иногда мне кажется, что я – своего рода прибор, способный улавливать импульсы таланта или, во всяком случае, неординарности. Искра божья, дарованная таланту, могла порой разжечь и во мне костер, и этот костер разгорался по мере того, как я подбрасывала в него хворост своих фантазий. Мне свойственно наделять человека такими качествами, которые бы я хотела в нем видеть. Люди вроде меня часто становятся жертвами обмана, разочаровываются. Но в этом отношении Бог меня миловал... Не всегда, конечно, но хорошо, что не часто...

Паша Хомский был мной сфантазирован. Отношения наши родились в одночасье, но долгими не стали, очевидно, к счастью и для него, и для меня.

Пик наших отношений как раз пришелся на то время, когда Миша “бомбил” меня из Тбилиси. Но, может быть, именно эти его атаки и сыграли свою роль. Во всяком случае, когда он возвратился после чемпионата в Ригу, мои фантазии иссякли, и костер погас так же быстро, как и вспыхнул.

А с Мишей мы начали встречаться. Прошу прощения за это слово “встречаться”. Я не переношу этот ханжески-условный эвфемизм и выражение “встречаться” в данном случае употребляю в его чистом первоначальном значении. Миша часто приглашал меня к себе домой, где меня привечали его мама и Роберт. Они были исключительными людьми, людьми высокой интеллигентности и безупречного такта. Общение с ними было для меня приятным, но далеко не простым. Дело в том, что светская Рига обойти красивую, молодую и уже популярную актрису, не опутав ее паутиной нелепиц, лживых, а иногда и грязных слухов, не могла. Говорили, что это я довела до гроба такого талантливый режиссера, как Барышников, что я пыталась разрушить семью Хомского. Говорили о моей безнравственности, имея в виду рискованную роль в спектакле “Чертова мельница”... И черт знает, что еще... Понятно, что вся “талевская” родня побаивалась за Мишу и относилась ко мне, по меньшей степени, настороженно. Я это чувствовала, хотя ни Ида, ни Роберт, ни Мишин брат Яша ни взглядом, ни словом ни разу не дали мне это понять.

С Мишей мы на столь деликатную тему не говорили. Только однажды. Дело в том, что его ухаживания, его интерес ко мне возрастали по принципу снежного кома. Он буквально не давал мне прохода. Он встречал меня у служебного входа в театр после окончания спектакля. В то время у Роберта была “Победа”. И Миша заставлял Роберта подвозить его в дни спектаклей к театру, и, сидя в машине, они подолгу ждали моего появления, дабы “похитить”. Роберту эта “работа” была не очень-то приятной, но он выполнял ее ради Миши, слово которого для него было законом. Так вот, после очередного такого “похищения” я спросила у Миши, не навредит ли его репутации общение с такой “беспутной”, по мнению светской Риги, личностью, как я. Он посмотрел на меня своим типично талевским изумленно-ироничным взглядом и ничего не сказал. Но смысл этого был ясен: “По-моему, Вы меня не за того принимаете”.

Вот так мы с ним и встречались. Нам было интересно друг с другом. Мы могли говорить на любую тему. Миша был безупречно образованным и очень эрудированным. Высказывался он всегда исключительно грамотно и изысканно, желая доставить этим удовольствие и себе-седнику, и, я убеждена, самому себе. Я не помню, чтобы он сказал какую-нибудь пошлость или позволил себе скабрзную двусмысленность. А если кто-нибудь втягивал его в разговор на “скользкую” тему, Таль поддерживал его на уровне блистательного французского дипломата.

И мне уже стало казаться, что наши отношения так и останутся на таком дружеском платоническом уровне, что вроде бы “остальное” ни меня, ни его не очень-то интересует. Но

в жизни так не бывает, если, конечно, речь идет о нормальных физически здоровых людях, а не об интеллектуальных извращенцах. Его брат Яша в то время снимал квартиру и жил вне талевского дома. Однажды после какой-то светской вечеринки мы оказались с Мишей в этой квартире. Яша был в отъезде. И все произошло как само собой разумеющееся...

Миша не производил впечатление застенчивого, но и совсем уж не казался эдаким покорителем женских сердец. Он был чистым молодым человеком, почти мальчишкой... Господи! Да ему и было-то всего двадцать один. А мне? Неужели мне когда-то могло быть девятнадцать?..

Это было прекрасно! И в ту ночь, и в последующие... Описывать словами ощущения физической близости – занятие бессмысленное и безнадежное. Это тайна. Тайна, которой может владеть один или одна. Тогда это может быть хорошо. Но если тайна открывается обоим, тогда близость становится тем самым наслаждением, которое невозможно объяснить словами, отобразить на холсте или запечатлеть в самом изысканном сочетании нотных знаков... Вот так у нас было с Мишей.

Те ночи многое изменили, многое упростили, но кое-что и осложнили...

После тех ночей Миша перестал быть для меня приятелем. Возникло необъяснимое чувство принадлежности друг другу. У людей искренних такое чувство проявляется после первой физической близости. При этом у одних рождается комплекс зависимости, у других – комплекс превосходства, у третьих (к сожалению, не так часто) – ощущение взаимного равенства. Тогда “занятие любовью” (употребляю этот модный сегодня “технологический” термин умышленно, чтобы подчеркнуть его циничность и скрытое в нем безразличие) становится иным – естественной и необходимой потребностью для обоих. Я как-то сразу стала чувствовать Мишу “своим”. Не в смысле господства над ним, а кровной, родственной связи. Никаких претензий, никаких ограничений, ненормальных просьб или, не дай Бог, требований.

Тогда ни мысли, ни даже намек на то, чтобы выйти за Мишу замуж, у меня не было. Просто я испытывала настоящий душевный комфорт, и все, что относилось к отношениям с Мишей, доставляло мне радость и удовольствие: и встречи, и иронично-церемониальные подношения цветов, и все, что могло следовать потом. Кроме цветов он мне в то время ничего не дарил. Но скупостью в течение всей последующей нашей с ним жизни Миша отмечен уж никак не был. Он был настолько тактичен и воспитан, что какие-либо более ценные материальные подношения могли, с его точки зрения, унижить женское достоинство и подчеркнуть зависимость от него. “Подставок” подобного рода Миша терпеть не мог. Ни в жизни, ни в шахматах. Прекрасно помню, что партии, выигранные им в результате зевка противника, не доставляли ему удовольствия.

И вообще, мне кажется, что Таль, особенно в молодые годы, был убежден, что родился он для того, чтобы побеждать красиво, но и безоговорочно. “От него полетят пух и перья!” – часто повторял он мне, имея в виду предстоящего шахматного противника. Любую свою победу он расценивал как закономерность: ну, а как же могло быть иначе? И меня он, видимо, расценивал как свою победу, победу, которой он добился в честной корректной борьбе, победу, о которой он мечтал и которая доставила ему огромную человеческую радость. И победа теперь должна принадлежать ему, потому что он единственный знает вкус этой победы, потому что он – Таль, потому что иначе быть не могло.

«...Талья полюбили за его исключительно остроумную, живую, веселую манеру игры, за его преданность шахматной красоте, за неустанный поиск самобытных ходов, за ошеломляющие жертвы, за импровизацию, за риск...»

...Являясь продолжателем традиций Морфи-Чигорина-Яновского-Шпильмана, он дополнил их шахматное мировоззрение важной и грозной деталью – кристально ясным пони-

манием неизбежности шахматного хаоса и практической невозможностью для живого индивидуума хотя бы вчерне рассчитать последствия грядущих событий.

Такое понимание хода борьбы позволяет Талю, с баснословной скоростью рассчитывая варианты, сознавать, что задача эта непосильная. И он... попросту старается объять максимум обозримого в минимум отпущенного кодексом времени! А вот его партнер, которого коварно втянули в водоворот осложнений, пытается просчитать все до конца. Естественно, из этого ничего не выходит. Тогда противник начинает невнимать и вследствие возникшей в его мозгу паники избирает внешне более легкий вариант, в результате же, сам того не замечая, подводит свою позицию к пропасти. Особенно много побед одержал Таль в первые годы своих триумфов, но и сейчас эта сторона его творчества не только не изучена, но даже еще и не разгадана по-настоящему».

Д. БРОНШТЕЙН

Но я-то не считала себя побежденной. Я оставалась прежней Салли Ландау – тогда я ощущала себя самостоятельной, гордой, популярной. Я оставалась сама собой с той лишь особенностью, что теперь рядом со мной был очень близкий мне человек, который в первую очередь понимал МЕНЯ. Мне важно было именно это, а не то, что он был гениальным шахматистом, без пяти минут чемпионом мира. Такой человек мог быть и инженером, и музыкантом. Социальный статус меня меньше всего интересовал.

А Миша искренне считал, что если ему хочется, например, есть, то и я должна умирать от голода. Если ему просто хочется пошататься по Риге, то непременно такое желание должна испытывать и я. Если он дает сеанс детям в шахматном клубе, то мне обязательно должно быть интересно присутствовать на этом сеансе. Такое невольное, но постоянное давление стало вызывать во мне чувство протеста...

– Ты пойми, пожалуйста, я не куколка! – сказала я ему однажды, не сдержавшись.

Миша удивленно взглянул на меня и ответил с обезоруживающей талевской улыбкой:

– Я знаю, что ты не куколка. Ты просто моя Салли...

И стала накатываться, то возникая, то исчезая, тень – мы стали ссориться. Как-то он приехал к моей ближайшей подруге Инне Мандельштам и заявил ей, что я слишком много времени провожу у нее.

– Миша! – сказала я. – Я самостоятельный человек и провожу время с теми людьми, с какими пожелаю. И ты, согласись, не имеешь права устраивать скандал Инне!

– Не имею, – ответил Таль. – Я извинюсь перед ней. Но она отнимает у меня мою Салли...

Он извинился. Мир был восстановлен. Наша принадлежность друг другу оказалась сильнее принадлежности самим себе. Наверное, это и есть те самые сладкие муки, которые отличают любовь...

Но по гороскопу мы оба – стопроцентные “скорпионы”, и нетрудно себе представить, что это за наказание!.. Мы снова поссорились – на этот раз по поводу того, что отказалась остаться с ним, а захотела выспаться одна, у себя в квартире, вернее, в квартире у Аманды Михайловны – моей хозяйки. Я была очень уставшей и хотела выспаться перед завтрашним утренним спектаклем... Во время вспышки той ужасной ссоры лицо его вдруг исказилось – стало не его, каким-то чужим и пугающим, будто в Мишу вселился демон. Он ударил меня и убежал... Когда мы спустя некоторое время, конечно же, опять помирились, он не смог логично объяснить свой поступок, из-за которого готов был провалиться сквозь землю. Он говорил, что в тот момент вдруг перестал владеть собой, что был абсолютно парализован и ударил меня помимо своей воли. И потом он сказал: “Если когда-нибудь я снова впаду в такое состояние, обними меня и поцелуй. Потому что я в твоей власти больше, чем в чьей-либо...”

Позднее в этом смысле я стала полной его заложницей. Но тема замужества еще не начала звучать в нашем дуэте. Во всяком случае, я мыслей таких по-прежнему не держала, Миша на эту тему со мной тоже не говорил.

Раза три мы расставались на более длительное время, довольно серьезно. Я в этом была уверена. Как-то в ресторане в компании друзей мы занялись “выяснением отношений”, в результате Миша злоупотребил коньяком до такой степени, что наши знакомые с трудом уговорили водителя отвезти его домой. Это произвело на меня жуткое впечатление. Я никогда раньше не видела Мишу в таком состоянии. Мне опять показалось, что передо мной был не Миша, что опять в него вселился кто-то чужой. Через полтора месяца мы встретились, но никто из нас не сделал попытку вспомнить подробности происшедшего эпизода... Вообще, надо сказать, Таль и алкоголь – любимый конек не очень далеких, но беспредельно “раскованных” журналистов и некоторых из компании так называемых друзей Миши... Это – особый разговор.

Мне было непросто с Мишей, и я себя часто спрашивала: “Салли, что происходит? Где твоя независимость? Подозревать, ревновать, накидывать не тебя узду нет никаких оснований. Так в чем же дело? Почему после каждой очередной сцены ты уходишь, убеждая себя в том, что обратного хода с твоей стороны больше не будет, а через какой-то промежуток времени с радостью откликаешься на первый же примирительный звонок, жест, слово и летишь к нему навстречу, как ни в чем не бывало?”

И всякий раз я не могла дать себе вразумительного ответа ни на один из вопросов. Видимо, моя гордость не позволяла признаться в том, что я уже “ранена” Мишей... А может быть, я этого еще не понимала. Однако, так или иначе, но меня тянуло к нему, к его взгляду, которым он накалывал меня, как бабочку на булавку, к его незаурядности, к его парадоксальным высказываниям, к его голосу... И не только к голосу... И опять возникала, если можно применить такое словосочетание, безумная идиллия нежности и страстей, которая заканчивалась очередной, но, тем не менее, непредсказуемой ссорой.

Так, однажды утром после нежнейшей ночи он вдруг закрыл дверь на ключ и сказал, что не отпустит меня на репетицию, что не хочет, чтобы я больше работала в театре. Когда я поняла, что Миша не шутит, резко сказала ему, что если он немедленно не выпустит меня, то это будет по-настоящему последним днем наших взаимоотношений, потому что для меня нет ничего важнее личной свободы и моей работы в театре. Я сказала с такой жесткостью и с такой уверенностью, что он покорно протянул мне ключ и произнес с какой-то отрешенностью в голосе: “Ты серьезно?” “Аб-со-лют-но!” – отчеканила я. Тогда произошло нечто странное: он подошел к аптечке, достал оттуда горсть таблеток и сказал: “Если ты уйдешь, я выпью все эти таблетки, а если они не сработают, то выброшусь из окна”. Я подошла к нему, забрала таблетки и сказала очень сухо: “Если бы эта сцена произошла в моей квартире, то я бы тебя просто выставила”. На что он ответил: “Напряги свое актерское воображение и представь, что ты у себя в квартире”. И я ответила: “Тогда покинь ее и забудь навсегда мой адрес! А ключ я оставлю под половиком”. И он ушел. Я слышала, как он сбегал по лестнице, как хлопнула дверь в подъезде. Подошла к окну и увидела, что он остановил первую попавшуюся машину... Потом я поехала в театр и сказала себе, что на сей раз действительно – конец. С моим характером мне бывает трудно понять, кто виноват, кто прав...

Репетиции в театре шли полным ходом. Приближались гастроли в Вильнюсе, и я, как могла, торопила день отъезда. Я хотела, чтобы время разрешило все мои проблемы, тем более что Таль должен был ехать на турнир в Швейцарию. Я рассуждала примитивно: он уедет на турнир, я – на гастроли. Не скоро встретимся, если вообще встретимся, и постепенно все забудется. Я кого-то встречу, он кого-то встретит... Как говорят врачи, заместительная терапия делает свое дело. Главное – не культивировать остаточный образ...

И вдруг в один из дней подходит ко мне наш администратор Григорий Ефимович, который как бы считался моим опекуном, и говорит: “Саллинька, приходил Мишин дядя и сказал, что у Миши после последней ссоры произошло нервное потрясение, какой-то ступор, что он все время лежит в постели, как каменный, ничего не ест и не пьет, что невозможно поднять у него ни руку, ни ногу... И еще он сказал, что не собирается влезать в ваши отношения с Мишей, но хотя бы ради его мамы, которая находится в страшном горе и которую Саллинька любит, он очень просит навестить Мишу и помириться с ним, чтобы он пришел в себя и смог поехать на турнир в Швейцарию”.

Я выслушала Григория Ефимовича и спросила его: “А Вы как считаете?” Он ответил, что если меня интересует его мнение, то я должна помириться с Талем, во-первых, потому что безрассудно с моей стороны терять такого человека, как Таль, а во-вторых, нельзя подвергать риску здоровье и будущее человека, который является национальной гордостью Латвии и, возможно, всего Советского Союза. Помню, я сказала: “Григорий Ефимович! Я очень ценю Ваше мнение, я очень люблю Мишину маму, но я не поеду, потому что все решила, а раз я решила, то меня не интересует карьера “национальной гордости Латвии”. А если человек болен, то пусть ему вызовут врача...”

Честно говоря, в тот момент я “сыграла” этакую властную, непримиримую женщину. На самом деле я знала, что Мишино состояние – не каприз избалованного инфанта, а самое настоящее нервное потрясение человека, который привык все делать по-своему и вдруг натолкнулся на не менее упрямое и своенравное существо. Я знала: стоит мне только появиться на улице Горького в доме номер 34, и все встанет на свои места – Миша улыбнется, глаза его оживут, и он тут же попытается пошутить и выскажет что-нибудь типа “спасение утопающих – дело рук не только самих утопающих”, и болезни как не бывало. И снова он будет веселым, легким, любящим и счастливым. Но счастливым он будет вдвойне: во-первых, потому что человек, которого он любит, снова рядом с ним, а во-вторых, и на этот раз все вышло по-талевски – он победил. Впрочем, не уверена. Может быть, как раз “во-вторых” тогда заняло бы у Таля первое место...

Но, как бы ни было, в тот момент я твердо решила не идти на улицу Горького. Уж если мне с ним и суждено какое-то будущее, то пусть постарается не сомневаться: перед ним не послушная марионетка, а живой человек, равный ему по всем параметрам, за исключением пола. И он, и я – как мне уже пришлось отметить выше – могли служить учебным астрологическим примером принадлежности к “скорпиону”... Несколько лет спустя Мишина мама как-то сказала мне: “Вы напоминаете мне двух упрямых непослушных зверьков, которые кусают и царапают друг дружку бесконечно, но стоит их только разлучить, каждый забивается в угол, отказывается от пищи и может умереть от тоски. Вы больше похожи на брата и сестру”... Она была очень мудрой женщиной, и дальнейшая жизнь подтвердила ее слова.

Уже много позже того, как мы официально развелись с Мишей, и у него была другая семья, и у меня была другая семья, какая-то телепатическая нить продолжала связывать нас. Я иногда просыпалась среди ночи с ощущением, что с Мишей именно сейчас произошло что-то плохое. Меня вдруг сваливал приступ моей постоянной чудовищной мигрени до такой степени, что я теряла сознание, и в этот момент откуда-нибудь из Рио-де-Жанейро раздавался телефонный звонок. И я стопроцентно знала: это звонит Миша... “Я сказал тебе не всё слова...” И мне становилось легче...

Теперь я думаю: а если бы мы с Мишей встретились не юными созданиями, а лет через десять, умудренными опытом пожившими людьми? Были бы мы более уступчивыми по отношению друг к другу? Могли бы ощутить эту таинственную биологическую взаимозависимость и избежать многих печальных ошибок, оставивших в наших душах болезненные рубцы? Наверное, да... Впрочем, думаю, из меня никогда не вышла бы хрестоматийная “шахматная жена”. Жены великих шахматистов, великих поэтов, писателей – женщины особые. Среди них есть

замечательные, есть и не очень. Дело не в этом. Просто они – отдельная категория людей, к какой не принадлежу... Хотя, кто знает, что бы не было и что бы было?..

В общем, я через несколько дней уехала с театром на га-строли в Вильнюс, а Мишу врачи сумели поставить на ноги, и он уехал в Швейцарию, и, честно говоря, меня мало водновало, хорошо ли, плохо ли он сыграет на своем турнире. Я изо всех сил старалась вытеснить его из своей памяти, но у меня как-то не получалось, и все время было чувство досады на себя...

И вот однажды едем мы в автобусе на спектакль, со мной рядом садится наш актер Рома Векслер и вдруг говорит: “Видишь, Салли, вот ты, грубо говоря, кинула Таля, но ему это все равно, и в Швейцарии он занял первое место, а счастье было так возможно, так близко...”

“Рома! – говорю я. – Он потому и занял первое место, что я, как ты говоришь, кинула его. Он думает, что теперь, когда он такой герой, я пойму, как я ошиблась. Он Фарлаф, как и большинство мужчин! Но он ошибается, как и большинство мужчин!”

“Нет, Салли, – сказал Рома, – он не Фарлаф. Он, наверное, все же Руслан, который, как известно, искал Людмилу, и что ему Наина...”

И тут я, что называется, завелась! Я сказала, что готова спорить с Ромой на что угодно, что стоит мне только позвонить, и Таль не прибежит, а прилетит ко мне в ту же секунду. По правде сказать, я не была в этом уверена, но распалилась, и мы поспорили. Просто так поспорили...

Надо сказать, мои родители с ума сходили от того, что я поссорилась с Талем. Уж очень они хотели, чтобы я стала его женой. Особенно папа. И представляете их радость, когда я, вернувшись домой после спектакля, стала звонить в Ригу. (Миша к тому времени уже вернулся из Швейцарии.)

“Миша, – сказала я так, словно ничего между нами не произошло, – я в Вильнюсе на гастролях. Если хочешь -приезжай”. И положила трубку. Все-таки из цепочки слу-чайностей складывается закономерность. Кто мог знать, что Рома Векслер спровоцирует меня на абсолютно школьный спор, что я позвоню в Ригу и этот звонок в очередной раз предопределит мою судьбу, и не только мою...

Значительно позже я узнала, что у Миши была в Москве приятельница, известная пианистка Белла Давидович. Муж ее умер. У нее остался маленький ребенок. Отношения их с Мишей постепенно стали более чем дружескими. И Мишины родители ничего не имели против возможной женитьбы. Но я, помимо своей воли появившись на Мишиной “орбите”, если не сняла этот вопрос окончательно, то, во всяком случае, отодвинула его далеко-далеко.

Последняя же наша ссора как бы реанимировала не окончательно свернутые взаимоотношения, тем более что Мишины родители, как я уже говорила, очень хотели, чтобы их сын наконец повзрослел и чтобы ничего его не отвлекло от шахмат. В тот вечер после моего звонка из Вильнюса Миша влетел в комнату мамы и сказал: “Мурочка! (Так Таль называл свою маму. Он вообще любил давать ласково-шутливые прозвища.) Я собрался ехать к Белле, но только что позвонила Салли. Как ты скажешь, так я и поступлю!”

Мишина мама рассказала мне об этом через пару лет после того, как я вышла за Мишу замуж. “Доченька! – сказала она мне. – Поверь мне! Что бы я ни ответила, Мишенька все равно поехал бы в Вильнюс. Поэтому я отделалась уклончивым советом: поступай так, как подсказывает тебе твое сердце...”

Как вы можете догадаться, заметный в моей судьбе спор с Ромой Векслером я выиграла – на следующий день после моего звонка Миша был в Вильнюсе. И я, которая еще вчера считала себя остывшей, окончательно излечившейся от “талевского синдрома”, была страшно рада, что он приехал. Как будто с моей души сняли тяжелый камень...

Приезд Таля в Вильнюс вызвал двойной ажиотаж. Во-первых, в Вильнюс приехал “вольшебник Таль”, а во-вторых, он приехал к Салли Ландау – к “нашей” вильнючанке! (Стыжусь – до сих пор не знаю, как правильно называть жительницу Вильнюса.)

Миша остановился в нашем доме, то есть в доме моих родителей. Они были счастливы – их мечта сбывалась. К нам бесконечно приходили близкие и дальние знакомые, чтобы увидеться с шахматной звездой и на следующий день хвастать: “Вчера мы были в гостях у Ландау. Там был Миша Таль. Мы с ним подружились. Удивительно талантливый мальчик и очень остроумный...”

Таль и в то время, и всегда был человеком очень общительным, легким и контактным. Он находил общий язык практически с любым собеседником, даже с тем, который ему был не очень интересен. Он был прекрасно воспитан и не мог позволить себе обидеть невниманием или высокомерием. Это его качество приводило к тому, что многие, побывавшие в его обществе всего один раз, уже записывали его в свои друзья. Так продолжалось в течение всей его жизни. Так продолжается и после его смерти – в периодической печати, на радио и телевидении вдруг появляются какие-то Мишины “друзья” и начинают рассказывать о нем порой несусветный вздор. Читать и слушать это обидно, но что поделаешь?..

Помимо домашних посиделок нас приглашали на разные приемы, вечеринки, дни рождения. Вильнюс наполнялся слухами о том, что Таль сделал предложение Салли Ландау. И надо сказать, что эти слухи были не лишены оснований...

В Вильнюсе жил тогда шахматный мастер Вистанецкис. Это был высокий, красивый, светский в полном смысле слова человек. В один из дней далекого теперь 1959 года на приеме в честь Миши он вдруг встал и предложил поднять бокал за здоровье “нашей очаровательной землячки Салли Ландау, которая выходит замуж за представителя братской прибалтийской республики”. Тут все повскакали со своих мест и стали чокаяться с нами и поздравлять. Оркестр заиграл что-то торжественное... Я изумленно взглянула на Мишу, но он пожал плечами и, выпятив нижнюю губу, загадочно уставился в потолок, а потом наклонился ко мне, чмокнул в щеку и сказал негромко: “Вистанецкис – хороший мастер и вряд ли так мог ошибиться в расчетах...” Теперь представьте мое положение. Мне-то что делать? Отрицать? Может, возмущаться? Ничего глупее нельзя придумать! Я принимала поздравления, благодарила, отшучивалась... Я убеждена, что устами Вистанецкиса Таль осуществил одну из своих рискованных победных комбинаций. Конечно, не на ровном месте. Он чувствовал, что я очень обрадована его приездом в Вильнюс, и сделал ход, разрубивший узел двусмысленности наших отношений. Я не могу сказать, что он пожертвовал чем-то ради меня. Он сделал это и для себя. Он хотел этого, потому что любил меня, потому что был уверен в том, что я его тоже люблю. Это не Вистанецкис “не мог ошибиться в расчетах”. Это не мог ошибиться Таль. Да он и не ошибался....

На следующее утро я принимала поздравления с состоявшейся накануне помолвкой, о которой уже сообщила, не помню, правда, какая, вильнюсская газета.

В Ригу мы возвратились вместе, и я решила переехать от Аманды Михайловны в театральное общежитие, так как оплата проживания у нее мне тогда была не по карману, а переезжать к Мише насовсем у меня еще не было оснований. К тому же, рассуждая о будущей семейной жизни, я думала об отдельной квартире, в которой никого не должно быть, кроме меня и Миши. Он же, наоборот, никаких других вариантов в голове не держал, кроме того, что мы обязательно должны жить у него на улице Горького вместе с Мурочкой и Джеком (так Миша называл Роберта). В тот розовый период это были, пожалуй, единственные наши разногласия. В конце концов выработался компромисс – я много времени проводила в доме Талей, часто оставалась там ночевать, но сундук с моими вещами оставался в общежитии, и номинально я жила в общежитии...

Вот теперь самое время немного рассказать о семье Талей. Я уже говорила о том, какое впечатление произвели на меня эти люди, эта квартира, когда я в первый раз переступила порог их дома. Меня поражали отношения Иды и Роберта – странный сплав простоты и изысканности. Первое время удивляли отношения Миши и Роберта. Большой загадкой был висев-

ший в квартире в ореоле любви и неприкасаемости портрет доктора Нехемии Талья – Мишиного отца... Ида не сразу выпустила меня в “кладовые” своей жизни. Она делала это постепенно и неназойливо, по мере того, как полюбила не только как предмет Мишиного обожания, но и меня – Салли как таковую, вне зависимости от моих отношений с ее сыном. И для меня она до самой своей смерти оставалась не столько матерью Миши, сколько уникальной, неповторимой, мудрейшей женщиной, моей подругой, моей матерью. Наши отношения не претерпели никаких изменений даже после того, как мы перестали быть с Мишей мужем и женой. Ее любовь ко мне по сей день возвышает меня в моих собственных глазах. Я часто вижу ее во сне. Она садится на постель, гладит мою голову и произносит фразу, которую когда-то сказала не в самый сладкий период моей жизни: “Не знаю, почему тебя так люблю... Может быть, потому, что ты понимаешь моего сына...”

В молодости у нее был бурный роман со своим двоюродным братом Нехемием Талем. Потом судьба развела их: Ида уезжает учиться в Берлин на художественные курсы, а Нехемия – в Ленинград, в медицинский институт. Она заканчивает обучение, возвращается из Берлина в Ригу и узнает, что Нехемия Таль влюбился, и влюбился до такой степени, что собирается жениться. Это явилось для нее настоящим шоком, и, чтобы заглушить душевную боль, она снова уезжает в Берлин, а оттуда в Париж. Будучи исключительно образованной, прекрасно воспитанной и необычайно привлекательной женщиной, она вливается в элитарное парижское общество, общается с Эренбургом, Луи Арагоном, Эльзой Триоле, Пикассо... Я застала ее уже не в самом молодом возрасте и, когда впервые ее увидела, поразила неправдоподобной физической сохранностью, тонкостью и изяществом фигуры и той непередаваемой гаммой флюидов, которые и делают женщину Женщиной в самом таинственном смысле этого слова... Прибавьте к сказанному густые, трудно расчесываемые волосы, пикантный орлиный нос, совершенно зеленого цвета глаза, осанку, неторопливую манеру разговаривать и полнейшее отсутствие какой-либо суеты в поведении (не люблю суетливых людей!); приплюсуйте к этому какие-то еще качества, которые, с вашей точки зрения, должна иметь настоящая жен-

щина, и перед вами возникнет Ида Таль... Кажется, Бернард Шоу сказал: “Ничто так не старит женщину, как возраст”. К Иде Таль это не относится...

После Парижа она возвращается в Ригу и снова встречается с Нехемием, теперь уже доктором Талем. Его женитьба не состоялась. Он вспоминает о своем увлечении как всего лишь о факте, имевшем место в его студенческой жизни. Их отношения с Идой приобретают совсем иное качество. Они женятся и любят друг друга так, как могут любить мудрые и тактичные люди. У них рождается сын Яша, старший брат Миши.

Яша был копией доктора Таля. Я обратила на это внимание сразу, как только впервые взглянула на тот самый портрет, что висел в квартире на улице Горького. Тогда же я увидела, что Миша чисто внешне ничего общего с портретом отца не имеет, а уж на кого он действительно похож, так это на Роберта... Прояснилось все значительно позже, когда я стала в доме Талей родным человеком, и в первую очередь, для Иды.

Доктор Таль умер за год до того, как я познакомилась с Мишей. Все, кто знал его, говорили о нем, как о святом. Да и портрет его походил на портрет святого, как бы возвышающегося над всем бренным, человека. Работал он в спецполиклинике в Риге. Знакомые врачи уверяли меня, что доктор Таль был единственным врачом-евреем, работавшим в спецполиклинике. Понять ситуацию не сложно, учитывая все нюансы национальной политики в Советском Союзе вообще и в Латвии, в частности... Тем более что Ригу не могли обойти ни охота на космополитов, ни травля “убийц в белых халатах” во времена знаменитого “дела врачей-убийц”. Но врачебный авторитет доктора Таля был столь высок, что его не тронули.

К Иде он относился с исключительным уважением. Говорят, что когда их видели вдвоем во время прогулок, он поддерживал ее руку так, словно нес хрупкий сосуд с влагой, и не дай Бог, эта влага расплещется или, что еще страшнее, сосуд выскользнет из рук и разобьется. Сказать, что Миша его любил, значит ничего не сказать. Это было нечто большее, чем обожаение... Я не нахожу слов, чтобы передать степень Мишиной любви к отцу. Ида говорила, что если бы не отец, то Миша не закончил бы ни школу, ни институт – у него не хватило бы на это усидчивости и терпения, особенно после того, как он увлекся шахматами. Кстати, к шахматам его пристрастил именно доктор Таль. Он обучил его правилам и на правах учителя сначала обыгрывал его. Это задевало самолюбие мальчика, и он сразу же и сильно пристрастился к загадочной игре, в процессе которой выигрывает не он, а папа. Я подчеркиваю это слово “папа”, потому что для Миши доктор Нехемия Таль был отцом. Единственным и безоговорочным. И в паспорте у него значилось “Таль Михаил Нехемьевич”.

Но в доме практически все годы жил еще один человек, Роберт, которого Таль тоже очень любил и называл, как вы уже заметили, Джеком. Кровным отцом Миши был Роберт. И Роберт знал, что он – отец Миши, и Миша знал, что он – сын Роберта. Тем не менее, для Миши отцом был доктор Таль, и для Роберта Миша был сыном доктора Таля. Эта тема в доме была как бы табуирована. Ее никогда не обсуждали. Друзья и близкие ее никогда не касались. Истина не требовала доказательств.

Я привожу эту неординарную коллизию со слов Иды, чтобы вы почувствовали, какими не от мира сего были люди, из среды которых вышел не укладывавшийся ни в какие рамки условностей Михаил Таль.

Вскоре после рождения Яши доктор Таль переносит тяжелейшее вирусное заболевание, осложнение которого приводит его к полной, не поддающейся лечению, импотенции – трагедия из числа тех, которые влекут мотивированные распады многих семей. Но семья Талей приходит к другому разрешению положения, и окружающим даже в голову не приходит, что в их семье произошло. При этом Ида остается молодой, деятельной, жадной до жизни женщиной.

И возникает Роберт – он приезжает из Парижа, словно очаровательный дьявол. Ида была с ним знакома во время своего французского периода. Он обаятелен, он умен и хорошо вос-

питан. Он – комильфо. И что ж удивительного в том, что Ида влюбляется в него. Но, возможно, такая женщина, как Ида, смогла бы побороть одностороннюю страсть. Возможно. Если бы не Роберт, который очень скоро теряет голову от Иды. А взаимное притяжение двух людей, познавших в своей жизни многое, вряд ли можно преодолеть. Да и надо ли преодолевать? И вот получается любовный треугольник. Казалось бы, банальный любовный треугольник. Однако для банального любовного треугольника еще необходимы тайные свидания, обманы, упреки, подозрения, скандалы... Но нет. Все трое сделаны из другого человеческого материала. Не нам чета! Ничто не афишируется, ничто не скрывается... Роберт появляется в доме Талей. Доктору Талю не требуются дополнительные объяснения. Таков факт, касающийся любимой женщины, и он воспринимает его достойно, по-мужски.

Говоря о семье Талей, я вспоминаю скучный роман Чернышевского “Что делать?”, который нас заставляли изучать в школе. Внешне – схожие ситуации. Но только без экзальтированных снов Веры Павловны и без нудных лопухово-кирсановских сентенций...

О Роберте известно все. Жена, с которой он развелся, и ребенок живут в Германии (забегая вперед, скажу, что веком ранее они погибли в фашистском концлагере). Роберт довольно удачлив в коммерческой деятельности (опять же, забегая вперед, добавлю, что в Советской Латвии он был видной фигурой в торговле), что, однако, не спасло его от “посадки”, но это уже много лет спустя...

В 1936 году плодом любви Роберта и Иды явился Миша Таль. И все знали, что у доктора Таля и его жены Иды родился второй сын... А слухи? Да мало ли какие слухи носятся по Риге...

Миша родился очень хилым ребенком. На правой ручке недоставало двух пальцев. Ида рассказывала, что, будучи на

седьмом месяце беременности, она жила на даче, на Рижском взморье. Вторая половина лета была очень жаркой. Ближе к ночи она прилегла на низкую, едва возвышавшуюся над полом тахту и прикрылась легкой простыней. Вдруг рядом с ее лицом пробежала огромная крыса. От ужаса она потеряла сознание. Врачи стали побаиваться, не отразится ли шок на нормальном течении беременности. Когда после родов ей впервые принесли сына и распеленали его, она увидела три скрюченных пальчика на правой руке... Ее снова охватил ужас, и снова она потеряла сознание, как тогда на Рижском взморье. Кормить грудью она не могла, так как молоко отсутствовало, видимо, в результате нервного потрясения. Ее долго после этого лечили.

В возрасте шести месяцев Миша перенес тяжелую инфекцию с очень высокой температурой, судорогами и ярко выраженными менингеальными явлениями. Врач сказал, что вряд ли мальчик останется жить, но при благоприятном исходе после таких заболеваний вырастают великие люди... И вот в три года Миша начал читать, в пять он уже перемножал трехзначные числа – пока взрослые подсчитывали результат с карандашом, он называл ответ.

В семь лет он “заразился” шахматами и стал почти все время проводить в шахматном клубе, приставая к более старшим и уже взрослым шахматистам с одной просьбой – сыграть с ним партию...

...С самого раннего детства он видел в доме двух мужчин, которых очень любил. Каждого по-своему. Доктора Таля считал и называл папой, а подлинный отец – Роберт всегда оставался “Джеком”. Джек любил Мишу потому, что Миша был его сыном, и, казалось, вся жизнь Роберта состояла только из одного – беспрекословно исполнять любое Мишино желание, любую просьбу.

Роберт, пожалуй, был единственным в этой семье по-настоящему состоятельным человеком, а Миша, даже когда он стал знаменитым Талем, никогда сколько-нибудь больших денег не имел. “Тряпки”, которые он чемоданами привозил из поездок, предназначались всяким деятелям, спортивным работникам. И они, и другие перед каждой поездкой клали ему в карман уйму разных списков, которые он должен был “отоварить” за границей. А Миша тратил деньги, не считая. Он еще очень любил угощать, делать подарки; ни у кого не брал займы. Окружаю-

щие считали его богатым человеком. Ни у кого не возникало на этот счет ни малейших сомнений. И правильно! Это же – Михаил Таль! Ведь никто не знал, что Михаил Таль, оставшись без копейки, вдет на почту и шлет в Ригу телеграмму: “Джек вышли тысячу”. И на следующий день Таль снова становился богатым...

Необходимо сказать, если бы не Роберт, семья Талей вполне могла бы погибнуть в каком-нибудь гитлеровском концлагере... Рига всегда считалась “немецким” городом, с большим влиянием немецкой культуры, немецкого языка... Семья Талей говорила по-немецки... И когда началась война, Ида по наивности сказала Роберту: “Зачем нам куда-то уезжать? Мы же фактически немцы. Они нас не тронут...” Но Роберт сказал: “Немцев они не тронут, а евреев вырежут”. И он настоял, чтобы вся семья выехала в Сибирь...

Вот так они и жили в состоянии зримого душевного покоя и равновесия... Бросьте несколько камней в ручеек, и вы увидите, что вода обласкает каждый камень – большой и маленький. Ни один не останется неумытым. Таким ручейком в семье Талей, струящимся между доктором Талем и Робертом, между Яшей и Мишей, между Мишей и мной, ласкающим и сглаживающим все противоречия, безусловно, была Мишина мама... Царствие ей небесное!..

Несмотря на то, что я в этом доме бывала часто, родным для меня он спервоначалу не стал, и всякий раз, когда я приходила, когда мы ужинали все вместе и даже тогда, когда оставалась ночевать, я все-таки еще не чувствовала себя “в своей тарелке”. Я оставалась в постоянном напряжении. О замужестве разговор не заходил, хотя, вроде бы, мы и считались помолвленными. Меня это устраивало – как будет, так и будет.

И вот, когда Миша уехал на турнир в Югославию, я стала меньше бывать в его доме, после спектаклей или ночных репетиций возвращалась в свою восьмиметровую комнату в общежитии. Я по-прежнему не чувствовала себя обязанной и жила сама по себе. Как обычно. В Риге в то время у меня было много друзей и знакомых.

Чаще всего я бывала в гостях у Инны Мандельштам. Это был изысканный дом, в котором собирались известные адвокаты, врачи, поэты. Стоило мне появиться, меня сразу усаживали за рояль и заставляли играть и петь часами. Впрочем, не было нужды долго меня упрашивать – в доме Инны я все делала с особым удовольствием. Интеллигентность в доме Мандельштамов не была искусственной – она была натуральной и, возможно, генетически обусловленной – отец Инны был двоюродным братом Осипа Эмильевича Мандельштама.

...Впрочем, собирались мы порой и в ресторане, нередко выезжали на взморье.

Внимание ко мне со стороны “общественности” явно усилилось. Если мы пили кофе где-нибудь в кафе с каким-нибудь из актеров, то для “общественности” это означало одно: у меня роман. На меня обращали внимание на улице. Моей вины в этом, конечно же, не было. Наоборот, мне было приятно, что меня замечают, на меня оглядываются, со мной хотят познакомиться. Назовите мне молодую красивую женщину, которую бы это раздражало. Если такая женщина найдется, значит, у нее не все в порядке с психикой и здоровьем. У меня же все было нормально.

Сказать, что меня все появившиеся слухи сильно раздражали, не могу. Скорее они меня забавляли. Я даже порой подыгрывала, зная, что за мной наблюдают, – возьму и демонстративно положу голову на плечо моему давнему знакомому. И на следующий день уже все говорят, что у меня очередной роман. Я, можно сказать, умышленно подливаю масла в огонь.

А Миши мне очень не доставало. Мне все время сообщали, как он там в Югославии играет, у кого выиграл, сколько у него очков. Но я, как уже упоминала, в этом не разбиралась. Говорили, что у него реальные шансы стать претендентом на звание чемпиона мира, на что я любила отвечать: “Мне гораздо важнее, что он претендент на звание моего мужа”.

И вот однажды утром я получила письмо из Югославии... Вообще-то Миша не любил писать письма. Он предпочитал телефонные разговоры. Не любил писать – и все. У меня сохранились всего два Мишиных письма: одно из Югославии и второе, которое я получила от него

в ответ на мое письмо, где я просила у него официального развода. Интересно, что когда мы с сыном много лет спустя уезжали из Советского Союза, о чем речь будет ниже, таможенники, роясь в нашем багаже, наткнулись на эти письма и с большим интересом прочли их вслух, а потом сказали, что письма вывозу не подлежат, так как являются “историческими документами”. Гера незаметно взял у них эти письма и спрятал в нагрудный карман. Уже когда мы прошли пограничный контроль, он протянул мне письма и сказал: “Не потеряй! Это исторические документы”.

С некоторыми сокращениями привожу Мишино письмо из Загреба. Мне иногда кажется, что не было никогда того хостого безмятежного времени, что все это из какого-то давнего фильма, в котором даже и не мы играли главные роли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.